

«Плач» имеет книжный источник, который послужил непосредственной основой при его создании. Это тексты «Постной Триоди», последования утрени, сырной или сыропустной недели, т. е. «проценого воскресения», последнего перед Великим постом, когда вспоминается «Изгнание Адамова» и его покаянный плач.¹²

Наиболее близок «Плач Адама» к тексту икоса утрени сыропустной недели: «Седе Адам тогда и плакася, прямо сладости рая, руками бия лице и глаголаше: „Милостиве, помилуй мя падшаго...“. „Раю вседобродетельный, всесвятый, всебогатый, Адама ради насажденный, и ради Евы заключенный, умоли бога о падшем, милостиве, помилуй мя падшаго“».¹³

Несомненны здесь не только смысловая близость, но и совпадение отдельных выражений. Тема отпадения от «райския пищи» заимствована «Плачем» из Синаксаря на тот же день: «В сей день воспоминание творим от райския пищи испадения первозданного Адама».¹⁴

Мотив горестного для Адама расставания с ангелами имеется в том же последовании утрени сыропустной недели: «Душе всестрастная моя, от ангел разлучилася еси».¹⁵

Однако, несмотря на смысловые и фразеологические совпадения с текстами «Постной Триоди», «Плач» является самостоятельным произведением со своей ритмической организацией и своим особым предназначением. Для нас сейчас важно подчеркнуть его книжное происхождение.

Для чего же он предназначался и в какой форме бытовал в древней Руси? Зафиксированные в крюковых сборниках духовных стихов XVIII—XIX вв. и в устном исполнении тексты не оставляют никакого сомнения в том, что «Плач» был предназначен для пения. О том, что он пелся и в древности, свидетельствуют прежде всего его нотные крюковые записи, относящиеся к первой половине XVI в. и к началу XVII в.¹⁶

Кроме того, в тексте 70-х годов XV в., опубликованном П. Симони, формы типа «затворено», «отоверзи», «погибошаго» говорят также о певческом исполнении текста древним, так называемым «наонным», или, употребляя более поздний термин, «хомовым» пением.¹⁷

Как известно, древнейший текст «Плача» XV в. из рукописи Кирилло-Белозерского монастыря имеет подзаголовок «стих старина за пивом».¹⁸ Уже П. Симони понимал этот подзаголовок в том смысле, что стих пелся во время трапезы и питья. Существует другое прочтение и истолкование — «стих-старина запивом», т. е. «старина», былина — «запевом», напевом.¹⁹ Однако исследования Н. Финдейзена о певческом бытовании «Плача» в XVI столетии полностью подтверждают правоту первого прочтения. Н. Финдейзен привлек рукописный обиходник конца XVI в., «представ-

¹² Триодь Постная. Неделя сырная, утро, Синаксарь; см. также: Г. Дебольский. Дни богослужения православной католической церкви, т. 2. СПб., 1894, тр. 71—73.

¹³ Триодь Постная. Неделя сырная, утро, икос.

¹⁴ Там же, Синаксарь.

¹⁵ Там же, песнь 6, тропарь 2.

¹⁶ ГИМ, Увар. № 694, в 4-ку, л. 285—285 об.; ГПБ, собр. Погодина, № 380, лл. 347, 349—349 об.; ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 665/922, л. 691 об.

¹⁷ П. Симони. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. 3, стр. 12—13.

¹⁸ Там же, стр. 12.

¹⁹ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефрона в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 157.